

НОВОЗЕЛАНДЦЫ РАССКАЗЫВАЮТ О БОЯХ ЗА КРИТ

Сражение за Крит (нем. - Luftlandeschlacht um Kreta), получившее кодовое наименование операция Merkur, было крупнейшей за все годы ВМВ воздушно-десантной операцией, предпринятой германским командованием. Она началась 20 мая 1941 года с высадки немецких парашютистов на нескольких участках западной части острова Крит. Остров обороняли части войск Британского Содружества, включая новозеландцев, и греческих вооруженных сил, в его обороне приняло участие и гражданское население. В первый день операции немцы понесли тяжелые потери, но уже на следующий день из-за проблем со связью у союзников и нерешительности их командования, а также благодаря своим решительным и агрессивным действиям сумели занять аэродром Малеме/Maleme, что дало им возможность перебросить на остров подкрепления и взять вверх. Главные силы союзников отступили на юг, и больше половины из них были эвакуированы Королевским ВМФ. Остальные сдались в плен или присоединились к партизанам.

Сомнения в том, что союзникам удастся отстоять Крит, присутствовали у командования силами Британского Содружества на острове еще до вторжения...

ПЕРЕД ВТОРЖЕНИЕМ

Генерал Бернард Фрейберг (правильно – Фрайберг, **Bernard Cyril Freyberg**), командующий гарнизоном острова, вспоминал после войны:

Людам нужно было дать понять, насколько напряженной является ситуация, в таком ключе, чтобы это подготовило их к битве, которая вот-вот должна была начаться. В то же время было важным не говорить того, чтоб могло бы раскрыть мои тягостные сомнения в отношении нашей способности удержать Крит. Всего пять человек на Крите в то время знали о том, насколько сложным было наше положение. Кроме меня это были генерал Вестон (Eric Weston, 1888-1950); мой начальник штаба, бригадир-генерал Стюарт (Stewart); мой личный помощник, капитан Джон Уайт (John White), который набирал мои радиোগраммы; и офицер-шифровальщик... Эти люди умели хранить секреты и держать свои сомнения при себе. Я надеюсь, что я вел себя по-солдатски и, внешне, выглядел как человек, который полностью уверен в себе в сложившейся ситуации.

Схематическая карта боевых действий на Крите

Джеффри Кокс (Geoffrey Cox), капитан, служивший в разведотделе Фрейберга, вспоминал:

Бригадир Харгест (James Hargest, 1891 – 12.08.1944, на фото справа, погиб в Нормандии) высказался накануне вторжения немцев: «Я не знаю, что ждет нас впереди. Я только знаю, что это вселяет в меня чувство, с которым я раньше на войне не сталкивался. Это не страх. Это что-то совсем другое, что-то, что я могу охарактеризовать как ужас.» Мне не нужно было спрашивать его, о чем он говорит. Я точно знал, что он имеет в виду. Это была реакция мыслящего человека, человека, храбрость которого была доказана [в прошлом], на экстраординарный феномен того периода войны, на мистику, на тайну, которые и в самом деле, казалось, окружали тот умопомрачительный успех немцев на полях сражений.

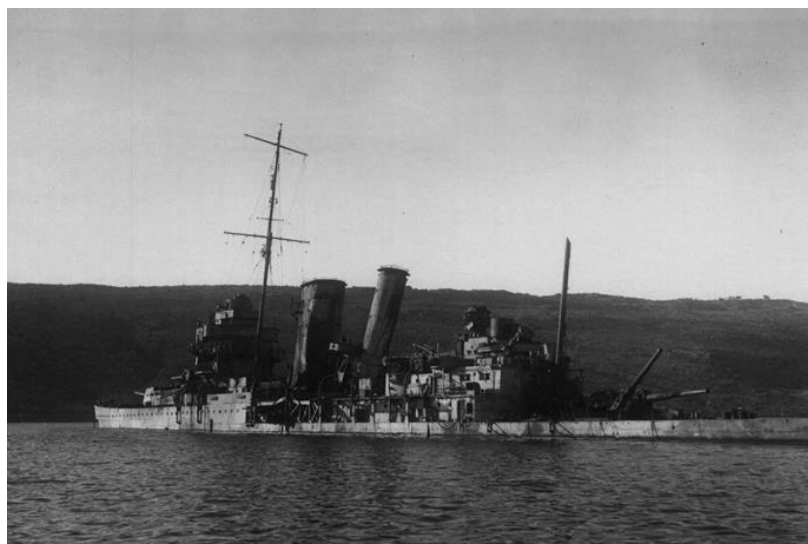
Мы стояли на пути военной машины, которая [смела Польшу](#) в считанные дни и [разгромила Францию](#), находившийся в ней Британский Экспедиционный Корпус, Бельгию, Голландию в считанные недели. Королевские ВВС и ВМФ остановили ее над водами Ла-Манша, но она повернула на юго-восток и пронеслась через Югославию и [Грецию](#), словно лавина. В Западной Пустыне совсем немного немецких танков и ранее малоизвестный генерал по имени [Эрвин Роммель](#) (Erwin Rommel) понадобились для того, чтобы [нанести поражение Британской Армии](#), которая за три месяца для этого разгромила итальянцев. Теперь, в этот вечер, за золотисто-голубым горизонтом эти же, казалось, неукротимые силы снова концентрировались, чтобы обрушиться на нас.

Джордж Артур Браун (George Arthur Brown), лейтенант из 20-го Батальона, в конце апреля 1941 года оказался в заливе Суда на борту эсминца *Kimberley*, когда остров начали прибывать части, [эвакуированные из Греции](#). Первое, что он увидел, были...

... мачта и труба крейсера *York*, потопленного немцами в заливе Суда. Полковник стоял на причале со своим адъютантом и полковым главным сержантом (Regimental Sergeant Major). Мы, офицеры, собрались вместе и позавтракали. Людям приказали собраться в определенном месте – туда вела единственная дорога. «Не торопитесь,» - сказал полковник.

Это означало, что парням было разрешено заглянуть в бары. Я отправился в выбранный мною уголок, туда, где росли деревья и тек ручей, разделся, постирался, разложил свою форму для просушки, потом снова одел. У нас не было инструмента для рытья окопов, но мы сменяли батальон Валлийского/Welsh Полка, который провел на острове шесть месяцев и оставил незаконченные траншеи.

Крейсер York, потопленный в заливе Суда. Он был поврежден итальянскими подрывными катерами 26 марта 1941 года, а 18 мая получил тяжелые повреждения в результате атаки немецких бомбардировщиков. 22 мая его орудия главного калибра были взорваны британцами...

Мы стали окапываться дальше и рыли тем, что смогли найти. Из кормежки у нас были только консервированные мясо и овощи. Я как-то отобрал пару ребят и сказал им: «Мы отправимся в Ханью/Ханіа и посмотрим, нельзя ли там раздобыть какой-нибудь еды.» Пошли туда, купили, что было доступно, и один из парней сказал мне: «Сэр, вы не против того, чтобы отправиться назад без нас?» Я ответил: «Это почему?», и они сказали: «Ну, скоро начнутся бои, и мы хотели бы заглянуть в бордель.» Я отпустил их, один из них не вернулся: его убили...

Мы были в расположении штаба Дивизии, когда начался настоящий авианалет. На острове была всего пара Харрикейнов/Hurricane, которые иногда сбивали случайные немецкие самолеты, но долго они не протянули. Немцы сконцентрировали свои усилия на береговых объектах в заливе Суда: в нем был единственный порт, через который к нам прибывали грузы. Небо затянул плотный черный дым от горящих нефтехранилищ...

Рекс Томпсон (Rex Thompson), водитель из Корпуса Армейского Обслуживания/Army Service Corps:

На Крите было какое-то количество автомашин, не очень много, и это было все. Они должны были снабжать аэродром Малеме и батальоны, окопавшиеся вокруг него. Немцы время от времени бомбили Ханью, главный город в окрестностях. Дело было, должно быть, 14 или 15 мая, когда они навалились по-настоящему и бомбили целый день. Они бомбили город и гавань, но несмотря на шум и пыль наши потери были незначительными.

Брюс Смит (Bruce Smith), 25-я Артиллерийская Батарея:

В заливе Суда было много судов, которые немцы бомбили часто и, в реальности, неэффективно. Мы сошли на берег, и нам приказали отойти на какое-то расстояние от залива, туда, где было место приема [прибывающих войск]. Там нам дали какую-то простенькую еду, консервированную говядину и галеты, и сказали найти себе место для ночлега. Вещей у нас собой не было, было только то, что на нас. У некоторых имелись шинели, у других их не было, но, по счастью, погода не была настолько холодной.

Утром нас построили, и те из нас, у кого были винтовки, были отделены от остальных, собраны в группы по 8-12 человек, обычно с шестью винтовками на каждую группу. Командовать нами назначили бомбардира (звание, эквивалентное званию младшего капрала, но находящегося в резерве – ВК), нам приказали маршировать дальше на юг, пока нас не нагонит вестовой или проводник, который отведет нас на участок, который мы должны будем оборонять. Мы шли весь день и часть ночи, после чего добрались до небольшого оврага, расположенного недалеко от моря, в котором нам сказали располагаться лагерем. 4-5 артиллеристов должны были стоять в карауле с винтовками под рукой, меняя друг друга каждые четыре часа. Предполагалось, что мы будем ждать вторжения с моря или с неба, и так продолжалось три или четыре дня. Ничего

особенного не происходило, разве что кто-то приехал на раздолбанной машине и дал нам немного побольше продуктов и воды...

Ричард Кин (Richard Kean), сержант-артиллерист, также прибыл в залив Суда:

Нам приказали маршировать по дороге, и каждый раз, когда мы останавливались и спрашивали: «Как далеко нам еще идти?», нам говорили: «О, осталась лишь пара миль.» В итоге, нам сказали, что лагеря еще 10 миль. Ну, прошли мы 10 миль и остановились. Было довольно холодно, но я сумел раздобыть одеяло, а еще один малый – плащ-палатку. Мы выкопали штыком окопчик, забрались в него, постелили плащ-палатку на землю, накрылись одеялом и заснули. Так мы жили какое-то время, потом дела пошли получше: нам стали давать побольше еды, потом нас рассортировали, и мы оказались вместе с вооруженными парнями, остающимися на острове, - это были ребята с винтовками, у меня был револьвер калибра .45, так что меня классифицировали как вооруженного военнослужащего.

Из нас сделали пехоту, и я стал старшим сержантом роты (Company Sergeant Major) с четырьмя отделениями под началом. В отделения входили пехотинцы, водители и артиллеристы, у которых нашлись винтовки, и парни из Корпуса Армейского Обслуживания. Мы перемещались туда-сюда, тянули провода, старались сделать что-нибудь полезное. Я подружился с владельцем гостиницы в деревне Галатас/Galatos. Вставали мы в 5 утра, зрелись стопками случайной выпивки.

Александр Роджерс (Alexander Rogers), сапер:

У нас не было боеприпасов, не было оружия, ничего вообще не было. Со временем мы умудрились подобрать себе случайные винтовки со случайными боеприпасами, кто-то нашел даже пулеметы. Артиллерийские позиции были недалеко от нас. Мы располагались в районе [аэродрома] Малеме.

Кит Ньют (Keith Newth), капрал-связист, после долгого марша присоединился к 20-му Батальону, стоявшему лагерем:

Я нашел оборудование для связи, мы окопались и разместились. Потом, с рассветом и еще час после него мы все были во внимании, ожидая парашютистов, которые, как мы знали, могли появиться в любую минуту. [Полковник Киппенбергер](#) (Howard Kippenberger, командир 20-го Батальона) послал кого-то в Египет, чтобы там побеспокоились о том, как нас развлечь, прислали игральные карты и т.д. Из Каира к нам отправили новозеландский оркестр. Эти парни как-то в воскресенье давали концерт после полудня, и тут неожиданно появилась группа самолетов. Мы подумали было, что это наши, но в следующую минуту они начали с воем пикировать на нас. Это была эскадрилья Штук. Можете себе представить: музыкальные инструменты полетели в одну сторону, а эти парни в другую.

Так мы в первый раз ощутили вкус того, что значит быть целью для этих Штук с сиренами на борту. Слышать этот вой было ужасно. Потом мы отправились в наш основной лагерь в Галатасе, который был довольно большой деревней. Там я разместил свою станцию связи, а Киппи занял самый большой дом в деревне. Это было большое белое здание, так что в нем он и разместил свой штаб. Помню, что в подвале этого здания стали 20 или 30 здоровенных винных бочек, в каждой литров по 600-700, по меньшей мере. Ну, некоторые парни испытывали повышенную тягу к вину, так что Киппи приказал все их пробить, чтобы из них все вытекло. С нашей точки зрения, это было кошунством, но, само собой, сделать это было необходимо.

Ханья после немецких бомбардировок

ВТОРЖЕНИЕ

Непосредственно перед вторжением немецкая авиация атаковала район аэродрома Малеме. Расчеты зениток Бофорс/Bofors, осмелившиеся открыть огонь, были загнаны в укрытия жесточайшей и непрерывной бомбежкой и обстрелами. Вспоминает майор **Хауэлл** (squadron leader **Howell**):

Земля под нами ходила ходуном словно желе. Наши глаза и рты были забиты песком, нас трясло до такой степени, что стали шататься зубы, и мы уже едва могли что-то разглядеть. Вокруг нас падали комья земли, стенки траншей рушились. Мы потеряли счет времени...

Лесли Эндрю (Leslie Andrew, 1897-1969, подполковник командир 22-го Батальона) написал в своем рапорте:

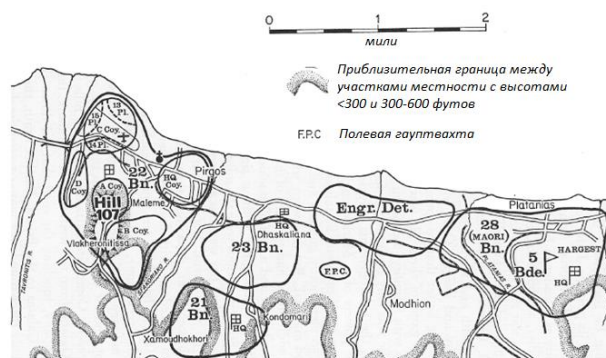
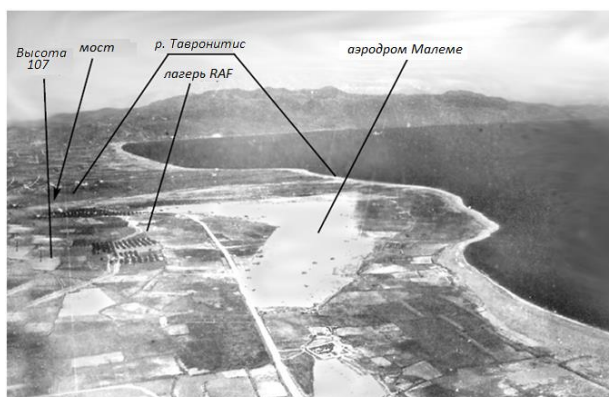
Эта бомбардировка была наиболее интенсивной, а размер бомб был таким, что артобстрелы на Сомме в 1916 году, на [возвышенности] Мессин в 1917-м и при Пашендале были [по сравнению с этим] просто пикником. Я не хотел бы испытать что-то похожее еще раз...

На район аэродрома было сброшено около 3 000 бомб, которые уничтожили все линии связи. В рапорте 22-го Батальона говорилось следующее: «Люди были ослеплены и потеряли дар речи, кровь у них шла изо ртов и ушей.» 20 мая, после интенсивной бомбежки, немцы приступили к высадке воздушного десанта на парашютах и планерах близ Малеме.

Вспоминает **Джордж Браун**:

Утро вторжения. Мы только что закончили завтрак, думаю, я собирался побриться, когда появились первые бомбардировщики. Мы понесли кое-какие потери. Потом мы заняли позиции, но в нашем секторе не было парашютистов: они сконцентрировали свои усилия в районе аэродрома Малеме. На острове было три аэродрома. Дальше к востоку за еще двумя присматривали австралийцы, а нашей задачей, главным образом, новозеландцев, была оборона Малеме. Вокруг аэродрома занимала позиции наша 5-я Бригада, но нужно помнить, что у нас не было трех полных бригад, - у нас их было только две, а остальные силы отправились напрямую из Греции в Египет. Генерал сформировал сводные батальоны из критян, греков, с бору по сосенке. Мы лишились нашего ротного командира и его заместителя. Ротный ушел командовать сводным

батальоном греков и позднее погиб, а его зам стал командовать другой ротой нашего батальона.

Слева – вид на аэродром Малеме с востока на запад; справа – карта местности с участками размещения новозеландских частей

Наступило момент, когда нам приказали контратаковать аэродром Малеме. Там был такой участок - речная долина к западу от аэродрома, который, по сути дела, никто не оборонял, и немцы приземлили там планеры и сбросили на него парашютистов. Полагаю, там случилось жуткое побоище. Нас должны были заменить в дивизионном резерве батальоном австралийцев, но они, однако, прибыли с опозданием, при этом имелся приказ генерала Фрейберга о том, что мы не должны сниматься с места, пока нас не заменят. В море мы видели вспышки орудийных выстрелов и лучи прожекторов и знали, что наш флот разбирается с морским десантом, присланным немцами, и что Фрейберг опасается его высадки и атаки на позиции Дивизии, так что мы должны были оставаться на месте.

Позднее, уже в лагере для военнопленных, я разговаривал с полковником об австралийском батальоне, и он утверждал, что тот попал под бомбежку на пути к нам (это при том, что ночью немцы не бомбили) и что по прибытии в Ханью австралийцы заблудились. Я не помню, когда они начали подходить нам на смену, но помню, что опоздание измерялось в часах. Наш полковник, Джим Барроуз (Jim Burrows), проигнорировал инструкции Фрейберга и отправил на стартовый рубеж для атаки две роты. Туда вела одна дорога, она была забита гражданскими лицами и возвращавшимися в тыл ранеными. В нашей роте было трое офицеров: Денвер Фаунтен (Denver Fountain) командовал взводом (он же исполнял обязанности комроты), я командовал взводом (и исполнял обязанности замкомроты), 3-м Взводом командовал Чарли Апэм (Charles Upham, 1908-1994, на фото слева, награжден Крестом Виктории за храбрость, проявленную на Крите и в северной Африке). Денвер пошел к бригадиру Харгесту, в штаб 5-й Бригады. Я подождал его, а когда он появился, спросил: «Что происходит?» Он ответил: «Джордж, ты знаешь столько же, сколько и я.»

Итак, мы заняли позиции на стартовом рубеже. Должно быть, немцы знали, что мы там: они вели по нам очень плотный пулеметный огонь, но с криками мы ринулись вперед, продвинулись далеко вперед и уничтожили их пулеметное гнездо. К этому времени рассвело, над головой были немецкие бомбардировщики, там же были их истребители, и они дали нам шороху. Думаю, мы вышли к краю аэродрома, и я был ранен и вышел из игры. Комья грязи летели во все стороны, а я лежал на земле. Думаю, я сам перевязал себе колено, тут появились Чарли Апэм и его водитель Паттерсон (Patterson). Я сказал им убираться куда подальше, опасаясь, что и их зацепит, но они ушли, а потом притащили дверь какого-то разрушенного здания и положили меня на нее. Потом пришли еще парни, и они оттащили меня в безопасное место. Я оказался на перевязочном пункте 23-го Батальона, там находились падре Гриффитс (Griffiths) и доктор, капитан Рон Стюарт (Ron Stewart).

Новозеландцы на Крите на оборонительной позиции

Там у них было несколько раненых немцев, способных ходить. Меня и еще одного парня разместили в русле сухого ручья глубиной 10-12 футов – медики вырыли в его бортах ниши, в которые положили меня и одного парня из Роты В, у которого было ранение в грудь. Утром что-то пришел и заговорил с ним, он поднялся, и я спросил: «Что происходит?» Тот ответил: «Не имею права говорить вам.» Тут появился падре и сказал: «Что ж, идет эвакуация, мы отступаем, и ходячие раненые должны сами выбираться отсюда.» Ну, я сказал, чтобы мне дали трость, но тут же свалился.

Потом, когда наши части ушли, и мы попали под минометный огонь немцев, раненый немец, взобрался на верхнюю бровку долины и стал размахивать белым флагом. Минометный обстрел закончился, и нас взяли в плен. Я все еще лежал на двери – меня вытащили на солнце. Не думаю, что у нас оставались какая-нибудь еда или вода. Потом нас перетащили на полковой перевязочный пункт, находившийся на краю аэродрома... Там меня заново перевязали и вынесли из здания, все еще на той самой двери...

Британцы сдаются в плен. Крит, 1941

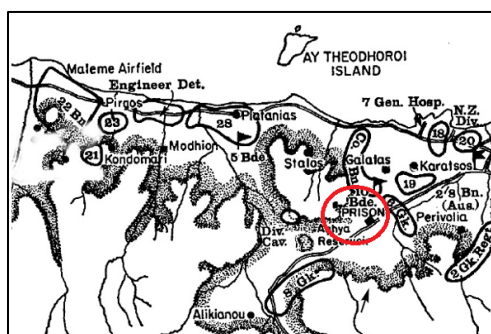
Не помню, сколько времени мы провели там. Потом прошел слух, что нас должны отвезти в аэропорт, чтобы оттуда доставить в Афины, и я сказал: «Оставьте меня здесь и заберите других.» Они на это согласились, и тут появилась пара бомбардировщиков Бленхейм/Blenheim, которые хорошо отбомбились по аэродрому. Через день или около того пришла моя очередь и тех, кто пока оставался здесь. Я все еще лежал на двери, на самой жаре, когда подошел немецкий офицер, увидел мои знаки различия, дал мне сигарету и зажег ее. Я выкурил половину, когда он приказал загрузить нас на борт самолета, отбывавшего в Афины...

Кит Ньют

Мы были в боевой готовности каждое утро, пока в небе не появились Ju-52 со своими парашютистами. Многие из них тащили за собой один или два планера. Мы находились на склоне холма и наблюдали за ними, много немецких парней было убито тогда, когда они спускались на землю. Были планеры, которые грохнулись в оливковые рощи, немало людей при этом погибло, но очень многие из немцев выжили. Потом они заняли дно долины – участки, где приземлялись. В этой долине находилась тюрьма, и первым делом они открыли ее двери и выпустили заключенных на волю. Мы сделали все возможное, чтобы остановить немцев, но они превосходили нас в численности, и из-за этого они одолели нас в Галатасе, в результате чего нам пришлось оставить деревню. Затем мы стали отступать к Ханье – эти события я никогда не забуду. Мы оказались вместе с батальоном маори, командовал нами капитан Лав (Love). Джерри (одна из распространенных кличек немцев – ВК) заняли позицию вдоль длинной полосы, а за оградой расположились их пулеметчики. Маори пошли в штыковую атаку со своими воинственными криками, смяли немцев и перебили их. Мы шли вслед за ними и набрали на одного паренька-маори. Его грудь была разворочена, было видно, как работают его легкие. Его товарищи не хотели бросать его. У него не было шансов на выживание, но они не ушли, пока он не умер.

Группы парашютистов приземлялись на участке, контролируемом 28-м Батальоном (Маори) в 2-3 милях восточнее Малеме. Капитан Турейя (Tureia) получил приказ атаковать их силами двух взводов из Роты D. Из истории батальона:

К моменту, когда они подошли на 500-600 ярдов к цели, над участком плотно зависли несколько самолетов, которые делали круги и обстреливали [новозеландцев], но маори продолжали вести огонь и продвигаться так, как они практиковались в Англии. Немцы были разбиты на двойки и тройки, и после того, как семь или восемь из них были убиты, двое офицеров и восемь рядовых сдались в плен. Маори потеряли двоих легко ранеными и были довольны тем, ... что им удалось отомстить за своих, убитых в Греции.

Десантники на парашютах и планерах высадились и в 4-5 милях восточнее Малеме, в Тюремной Долине/Prison Valley (см. карту на врезке слева). Из письма подполковника **Джона Грея (John Gray)**, на фото справа, погиб 5 июля 1942 года в Ливии), командира 18-го Батальона:

Я увидел парашютиста, повисшего на дереве, и заметил какое-то движение слева от него. Быстро выстрелил в него из своей винтовки: у каждого офицера в батальоне была винтовка. Потом, продвигаясь вперед очень тихо, но быстро к парашюту, я оглянулся, и увидел гунна (hup – одна из распространенных кличек немцев – ВК), лежавшего на земле рядом с раскрашенным в веселые тона контейнером, прикрепленным к парашюту. Немец сдвинулся с места, и я сразу пристрелил его, после чего осторожно пошел вперед от укрытия к укрытию.

Я выстрелил в еще одного, прятавшегося за деревом, и ранил его. Он был сильно испуган, но я сказал ему, чтобы он лежал тихо и что за ним присмотрят. Забрал у него пистолет и отдал его Дику Филлипсу (Dick Phillips), который шел сразу правее меня. Как только я отдал его ему, ему прострелили колено. Двое гуннов ярдах в 30 от меня прятались за деревом и вели по нам обоим огонь. Два точных выстрела уложили их обоих. Вокруг свистело множество пуль, но времени на то, чтобы беспокоиться об этом, не было. Я увидел Джорджа Эндрюса (George Andrews), сидевшего на земле и целившегося в какие-то кактусовые заросли позади нас. «Осторожнее, Джордж, - сказал ему я, - ты так можешь попасть в одного из наших парней.» - «Ни черта, бояться нечего, это гунн, - сказал он и выстрелил. – Готово...»

Согласно Журналу Боевых Действий батальона, к 10 утра его участок был зачищен от противника: «Убитые парашютисты были повсюду: некоторые все в ремнях, свисая в диких позах с оливковых деревьев...» Водитель **Билл Карсон (Bill Carson)** рассказывает о том, что отбирали у пленных:

У нашего первого военнопленного был пистолет и три гранаты, когда он приземлился. Они выбирались из-под парашютов с молниеносной скоростью. В их флягах был очень крепкий кофе. У каждого из них были [пищевые] рационы на два дня, в них входила колбаса, хлеб в обертке, который был весьма свежим, сухофрукты и две плитки молочного шоколада. У каждого было по два кубика допинга, вероятно, что-то вроде витаминного концентрата, и, попробовав эту штуку, наши парни очень и очень взбодрились...

Стэн Джонсон (Stan Johnson), командир Роты С 22-го Батальона:

У нас было полно оружия в отличие от того, что вы можете иногда услышать. Мы располагали пулеметами, снятыми с крыльев самолетов и установленными на сошки вокруг аэродрома, и много, очень много боеприпасов. Именно поэтому новозеландцы убили столь много немцев. С нашими пистолетами мы бы этого не смогли сделать. Мы не были достаточно сильны по сравнению с немцами, когда отступали из Греции – они были очень мощными в то время, но и мы хорошо себя зарекомендовали. Мы не считали, что были проигравшей стороной. Малем было превосходным шоу.

Стэнли Джервис (Stanley Jervis), лейтенант, Добровольческий Резерв Королевского Флота/Royal Naval Volunteer Reserve – RNVR. Проходил службу на эскортном корабле:

Мы были в патруле совсем недалеко от Ханьи и при дневном свете наблюдали за тем, как протекает вторжение. Это было довольно захватывающее зрелище, поскольку утро было тихим, и, казалось, все небо было заполнено разноцветными шарами – это были парашюты. Они раскрашивали всевозможными цветами парашюты, используемые для разных целей: различные цвета обозначали разные виды боеприпасов, провианта и всего прочего... Мы заняли боевые посты, потому что поступило сообщение о приближении самолетов. Я стоял, управлял кораблем и спросил у моряка: «Сколько всего самолетов?» Он глянул через плечо и ответил: «Четыре.» Мы повернули в их сторону, чтобы открыть огонь, и тогда самолеты отвернули. В тот момент стало очевидно, что происходит что-то еще и мы им неинтересны. Затем ко мне подошел связист и сказал: «Сэр, я потерял им счет – дошел до 261.» Тогда мы продолжили свой патруль...

Рекс Томпсон вспоминает, как после новых бомбежек небо заполнили самолеты, тянущие за собою планеры:

Они [планеры] были на буксире, иногда по несколько за каждым самолетом. Они спускались довольно бесшумно и приземлялись, но с ними разбирались довольно решительно, если только пилотам не удавалось увернуться [от огня] или сесть где-нибудь подальше. А потом появились парашютисты: они сидели в Ju-52, где-то по 30 человек в каждом самолете. Они выпрыгивали на очень, очень малой высоте, вероятно, до земли было 100-150 футов. У довольно многих из них парашюты запутывались в хвостовом оперении, после чего они зависали, а остальные оказывались под огнем и представляли из себя сидящих уток в течение тех 10-12 секунд, которые они находились в

воздухе.

В районе аэродрома Малеме у наших парней были пушки Бюфорт и другая артиллерия, и из-за их огня у немцев началась полная неразбериха. В итоге, немецкие летчики стали сажать свои машины вдоль пляжа, сажать на брюхо, но со временем они высадили десант ценой потери около 200 самолетов. Далее одно следовало из другого, становилось все горячее, и нам пришлось отступить. Наши дела после шести дней боев пошли плохо. Не забывайте, мы были небоевой частью, и, пока шли бои, мы пытались подвозить грузы сражающимся, но, по сути дела, их почти не было. Нас отправили вверх по долине, на участок между аэродромом и Ханьей, думаю, нас было человек 60 и при себе всего пара штыков. По счастью, мы ни на кого не наткнулись...

Брюс Смит

Когда начали приземляться парашютисты, Смит был не на посту:

Оружия у меня не было, так что пятеро или шестеро таких как я или не входивших в пушечные расчеты получили приказ отправляться туда, откуда пришли, что мы и сделали. Думаю, у нас это заняло пару дней. Не имея провианта, мы сильно ослабли, и силы наши были на исходе. Так или иначе, мы добрались до залива Суда. Там мы проболтались еще пару дней, нас бомбили и обстреливали самолеты, а потом в поздние послеполуденные часы нам сказали подготовиться к посадке на судно, которое должно подойти к одному из причалов. Так оно и случилось, и мы оказались на борту норвежского лесовоза, который назывался *Belray*. Мы все находились на палубе: на нем не было кают или каких-нибудь жилых помещений. Мы перешли на западную сторону залива Суда, и стоянка там оказалась спокойной. Все это время находившиеся там суда были под бомбами и обстрелом с воздуха, но нас никто не тронул, и мы так и не поняли почему... Нам сказали, что вечером атаки воздуха, вероятно, прекратятся: немцы не очень любили работать по ночам. Наступила темнота, наше судно подняло якорь, и мы взяли курс на Александрию...

Британцы по прибытии с Крита в Александрию...

Ричард Кин

Утром высадились парашютисты. Это было грандиозное, но при этом довольно жуткое зрелище. Оно напомнило мне сезон охоты на уток... Мы сумели перестрелять многих из них, пока они спускались на землю, но их было слишком много. Потом мы разбились на два отделения, и лейтенант Джон Дилл (John Dill), племянник генерала [Джона Дилла](#) и отличный парень, взяли под команду по одному из них и приступили к патрулированию местных оврагов и оливковых рощ, намереваясь отловить оказавшихся рядом парашютистов.

Позднее я перевел свое отделение через дорогу – тюремную дорогу, ведущую от находившейся в долине тюрьмы к деревне Галатас. По одну сторону дороги стояло множество пчелиных ульев, а подальше, напротив них, находился [вражеский] пулемет, который вел огонь и беспокоил пчел, что вызывало раздражение у части моих людей. Как-то вечером пришел Джон Дилл и сказал: «Мы разберемся с ним: у меня есть противотанковое ружье.» Мы знали примерное направление, в котором находился этот пулемет, и он сказал мне: «Ты встань и зажги сигарету.» Я ему: «Вы шутите, дружище.» Однако я поднялся, закурил сигарету и тут же оперативно залег. К моменту, когда я припал к земле, надо мной пронеслись пулеметные очереди. Джон говорит: «Думаю, я засек его – сделайте это еще раз,» так что шоу повторилось, после чего он сказал: «Хорошо, теперь точно знаю», и выпустил в него пять патронов, после чего мы больше ни разу не слышали ничего оттуда.

Потом стало потяжелее, заговорил пулемет, стоявший где-то напротив нас, что немного давило на психику, так что я выбрался из окопа и заполз за оливковое дерево. При себе у меня была винтовка со штыком и два подсумка с патронами. Вокруг валялось множество винтовок. Я разглядел тень от стоявшего немецкого солдата, сделал по ему пять выстрелов, после чего он упал. Потом я рассчитал, где должен сидеть еще один немец за своим пулеметом и выпустил по нему пять патронов. Вместо того, чтобы сразу запрыгнуть обратно в окоп, я остался сидеть за деревом, ожидая, что появится кто-нибудь еще, чтобы занять место за пулеметом. Но, к сожалению, они тоже засекли мою позицию и обстреляли ее из минометов. На земле лежала шинель Джона Дилла, и одна из мин упала на нее, прямо мне под ноги. Меня осыпало землей, один парень был ранен и запаниковал, так что я отправил его на перевязочный пункт в сопровождении другого парня. И тут я сообразил, что остался сам по себе. Я также понял, что сам ранен, и что в моих башмаках хлюпает, когда я пытаюсь встать. Посмотрел вниз, и увидел дыру ощутимого размера у себя в голени.

У меня под рукой было множество самодельных бомб, вмещавших от 4 до 16 динамитных шашек, и большая сигара. Я должен был, при приближении идущих по дороге немецких танков, зажечь сигару, раскурить ее и, зажигая ею [огнепроводные] шнуры, швырять в них бомбы. Но меня больше беспокоило то, как бы осколки не попали в бомбы и не подорвали их, пока они еще лежат рядом со мной. Так или иначе, я понял, что ранен, и ушел на перевязочный пункт, находившийся неподалеку, но он снялся с места. Правда, я набрел на Джона Дилла, лежавшего там: он был ранен разрывной пулей. Я был сильно не в себе к этому моменту: на меня подействовал разрыв мины, и я чувствовал себя так, будто выпил. Однако я помнил, что на нашей позиции осталась старая пушка, и возле нее должен был находиться расчет. У ней была поломка, потом она была отремонтирована, но никаких признаков расчета на месте не оказалось. Я немного побродил рядом с ней и увидел пару ног, торчавших из ствола оливкового дерева с пустой сердцевинкой, поэтому просунул туда ствол своей винтовки и сказал: «Вылезай оттуда.» Это был артиллерист, англичанин, который, как оказалось, был крепко пьян. Потом нашелся раненый офицер, очень неплохой малый, но остальные нашли себе укрытия и вовсе не желали воевать. Я собрал их вместе, нашел среди них сержанта и сказал ему: «Там лежит офицер, снимите откуда-нибудь дверь или что-то в этом роде и отнесите его на полковой перевязочный пункт. Убедитесь в том, что это сделано. Если что не так, я буду искать вас столько, сколько вам осталось жить. Позднее я узнал, что парням перед этим пришлось очень тяжело, но это не было оправданием нежелания выполнять свой долг и неспособности держаться вместе нужным образом.

Потом я, наконец, добрался до перевязочного пункта и встретил парня, одного из пулеметчиков, которого знал еще по гражданке – он тоже был ранен осколками мины. Он мог ходить вполне прилично. Пришел санитар, дал нам чаю и сказал: «Здесь все сильно заняты, в четырех милях по дороге есть еще один перевязочный пункт, если хотите, идите туда.» Этот парень, Джим, и я выпили еще по чашке чаю, перекурили и тронулись в путь. Вместо четырех миль мы прошли 11, но дошли до места. Через час после того, как мы ушли с того перевязочного пункта, там появились немцы, и те, кто был там, попали в плен.

Хэддон Доналд (Haddon Donald, 1917-2018) лейтенант, 22-й Батальон, один из защитников аэродрома Малеме, позднее участник боев в Северной Африке и Италии. В нижеприведенном интервью, взятом историком Меган Хатчинг (Megan Hutching), он рассказывает о событиях 20 мая и об обреченной на неудачу контратаке на позиции немцев в долине реки Тавронитис/Tavronitis:

Что происходило на аэродроме на этой стадии боев?

У нас было несколько пулеметов, немного артиллерии. Я не думаю, что это были 25-фунтовки, полагаю, это были старые французские пушки, которые наши артиллеристы вернули в строй и из которых обстреливали аэродром, не давая гуннам приземляться. Самолеты гуннов делали круги над местностью все это время. Они не пытались приземлиться, поскольку это было опасно, поэтому они снова и снова уходили. Был уже довольно поздний вечер, когда стали подлетать первые немецкие самолеты, которые пытались приземлиться. Была моя очередь сидеть за пулеметом Браунина/Browning, который мы сняли со сбитого Харрикейна и установили на какую-то левую треногу. Появился первый немецкий самолет, который, по всей видимости, собирался приземлиться, и я подбил его из этого Браунинга – он сел на брюхо на дальнем конце поля. Я был очень и очень этим доволен. Остальные отвернули и улетели. Так что в тот вечер ни один из них не приземлился, но они нахлынули на следующее утро, когда мы отступили.

Вы говорили, что приняли участие в контратаке – той бесплодной контратаке [20 мая], поддержанной парой танков...

В батальоне было два британских пехотных танка. Это были Матильды/Matilda с довольно толстой броней. Они были немного неуклюжими и вооружены лишь маленькими двухфунтовыми пушками, но на них был хороший пулемет, а благодаря толстой броне его было довольно трудно подбить. Это были вполне приличные машины, но позднее выяснилось, что они были, на самом деле, неэффективными. Они подчинялись (под)полковнику Эндрю, а ситуация становилась отчаянной в поздние послеполуденные часы. Он не смог получить какую-либо помощь из бригады и решил самостоятельно предпринять мелкомасштабную контратаку силами моего взвода и двух танков. Она была обречена на провал до того, как началась. Так или иначе, Джонни Джонсон (Johnny Johnson, вероятно, комроты) отдал мне приказ. Когда он отдавал приказы – он только что закончил – по дороге, напротив нас, прогрохотали оба этих танка. Мой взвод, в котором было около 28 парней, должен был идти вперед с танками и прикрывать их, но мы с ними [танкистами] не переговорили и ничего не запланировали. Поэтому я собрал свой взвод, собрал подофицеров в небольшую группу, и мы побежали к этим танкам и рассказали экипажам, что будем делать. Одно отделение должно было наступать справа от дороги, другое слева, еще одно – по самой дороге. Мы должны были двигаться вперед вместе с танками, прикрывая их.

Все это было безнадежно, потому что происходило при свете дня. Это было так, как будто шла Первая Мировая война – через бруствер и вперед. Но мы должны были делать то, что нам приказали. Итак, первый танк тронулся вперед по дороге, под обстрелом со всех сторон, но, в любом случае, неуязвимый для ружейно-пулеметного огня. Танкисты добрались до моста на западном краю аэродрома. Мы могли разглядеть их машину на дне долины – они вели огонь из пулемета, но не из своей двухфунтовки, от которой, вообще-то, было мало толку. Через какое-то время они увязли, и мы увидели, как они выбрались из танка и сдались немцам. Мы насчитали там, в какой-то момент, 200 немцев, а у меня был взвод из 28 или около того человек, включая шестерых или восьмерых британцев, присоединившихся к нам, так что мы знали, что шансов у нас нет. Так сдался немцам первый танк.

Мы вообще не сумели догнать танки. Попытались, но оказались под огнем и понесли большие потери. Думаю, не получили ранения или не были убиты человек восемь из 28. На дороге появился второй танк. Нас учили так, что, если ты хочешь вступить в контакт с экипажем Матильды, нажми на звонок, который у нее был сзади. Я забрался на танк и нажал на него. Никакой реакции, так что я перебрался на его переднюю часть и стал махать руками напротив смотровой щели: у него была узкая застекленная смотровая щель. Башенный люк танка медленно открылся, командир экипажа высунул головы из башни и сказал, что в нее попал противотанковый снаряд и они не могут ее повернуть. Я разглядел, куда попал снаряд: погон башни был разорван, оттуда торчали рваные куски стали. По этой причине он решил выйти из боя. Я посадил на танк несколько моих раненых парней, остальные пошли рядом с ним, чтобы было какое-то укрытие, и сумели добраться до КП роты. Что случилось потом с танком, только бог знает, но я знаю, что атака была отозвана. Она была обречена с самого начала.

Ну а что случилось с теми, кто был в первом танке?

Они попали в плен... Мы пошли в атаку около 5 часов после полудня, и я полагаю, это заняло около двух часов. Мы вернулись на КП часов в 7, и потом произошло следующее: мы увидели и слышали, как к нам приближаются немцы, в основном с запада и с юга тоже. Они просочились вокруг Высоты 107: к западу от нее было много растительности. К востоку от нас немцев тоже хватало. В итоге, мы оказались в окружении, и на тот момент, думаю, от нас осталось 10-12 человек, способных сражаться: остальные были убиты или ранены. Некоторые из нас были связистами или санитарями и т.п., так что дело было плохо. Какое-то время мы ждали, нас никто не атаковал, но мы слышали то, что немцы идут вперед...

Берт Дайсон (Bert Dyson), лейтенант, 4-й Полк Полевой Артиллерии/4th (NZ) Field Regiment, рассказывает Меган Хатчинг о том, как занимался подвозом боеприпасов для частей, готовившихся к контратаке на аэродром Малеме 22 мая 1941 года:

Наихудшим заданием, полученным мной, была переброска троих грузовиков с боеприпасами к Малеме, на позиции артиллеристов, - должно быть, это случилось на третий день боев. Снаряды были погружены на три Матадора/Matador. Матадор был очень высокой и тяжелой машиной, спроектированной для того, чтобы тянуть на буксире 3.7-дюймовые пушки. Очень заметная машина, которую трудно было укрыть от наблюдения. Все трое водителей были британцами, и, как все водители военной поры - новозеландцы, австралийцы и прочие, – отличные парни. Я сказал им: «Мы поедем медленно. Не спешим. Мы не станем, если это возможно, поднимать пыль. Мы просто потащимся потихоньку. Мы будем останавливаться везде, где будем видеть какое-нибудь укрытие: мы съедем к какому-нибудь зданию, в рощицу, осмотримся, а потом тронемся дальше.» И мы так и сделали, и никто нам не помешал. Так могло случиться потому, что раз ты сбросил парашютистов, твоя авиация

становится бесполезной, потому что линии фронта нет и определить, кто и где находится, невозможно, и это могло стать причиной того, что мы пробились...

То есть, когда парашютисты приземлились, бомбежки и обстрелы с воздуха прекратились?

Им пришлось прекратить их, потому что под огонь могли попасть их люди.

Мы добрались до артиллерийских позиций, припарковали грузовики между деревьями. Вероятно, это была оливковая роща. Мы начали разгрузку вместе с людьми из расчетов. Снаряды были 75-миллиметровыми, итальянскими и французскими, и все это было по частям. Там могли быть ящики с детонаторами, ящик с зарядами, ящик с гильзами. Эти боеприпасы, прежде чем пустить их в дело, необходимо было собрать – закрепить взрыватель, вложить заряд в картуз, смотря что было нужно. Они были громоздкими, и поэтому было непросто затащить их вверх по склону к пушкам.

Аэродром был под сильным обстрелом с воздуха, потому что немецкие позиции и наши были вполне отличимыми друг от друга. Очередь с одного самолета ушла далеко, должно быть, пули были зажигательными и вроде того: она попала в одну из машин, загорелось брезентовое покрытие кузова, и грузовик охватило пламя. Мы быстро погасили его, но кто-то [из немцев] заметил дым, и они взялись обстреливать нас по-настоящему. Грузовик снова загорелся, и на этот раз пожар был столь сильным, что мы не смогли с ним управиться. Кроме того, начали рваться снаряды, и нам пришлось отступить от него. Много снарядов пропало без толку, потому что они начали рваться и в соседних грузовиках, и положение стало безнадежным. Мы укрылись поблизости в какой-то канаве, я и трое водителей, а когда все улеглось, мы пошли в штаб бригады – мне приказали вступить с ними в контакт. Там доложил, что потерял часть боеприпасов...

Александр Роджерс

Некоторых из них [парашютистов] мы подстрелили сразу – потом нам удалось подобрать их оружие и использовать его. Их пулеметы были превосходными: легкими, словно автоматы Стен/Стен. По счастью, флот был неподалеку и атаковал конвой немецких судов в ранние утренние часы одного из дней, высветив этим небо. Моряки потопили многие из вражеских судов – они хорошо поработали.

Джерри через какое-то время захватили аэродром Малеме, и их самолеты продолжали прибывать. Многие из них были сбиты: они летели на небольшой высоте, обстреливали нас и бомбили, на них были сирены. Мы контратаковали Малеме и просто облажались. Само собой, никакой связи в те дни у нас не было, вообще никакой, и через какое-то время нас выбили с наших позиций. Потом нас отогнали к деревне под названием Сан Марино/San Marino, на холмы, а оттуда к Галатасу, где имел место ожесточенный бой. Когда мы отбили вражескую атаку, мы увидели следы совершенных [немцами] зверств и испытали шок. Я видел это собственными глазами: у некоторых женщин и детей было перерезано горло...

Ну а потом нас оттуда выбили, после чего мы заняли позиции в стороне от пляжей. Напротив нас был 6-й Госпиталь, но немцы захватили его, развесили там флаги Красного Креста и на крыше установили свои пулеметы. Мы занимали старое фермерское здание в низине – в нем находился наш пункт первой помощи. Вокруг были развешаны флаги Красного Креста, чтобы дать всем понять – это перевязочный пункт, а позади нас находился голый бугор высотой 12-15 футов. Мы заняли позиции на склоне этого бугра, там укрыться было негде, окапываться было нечем, а немцы были всего в 200-300 ярдах от нас со своим пулеметами ... Нам не разрешили стрелять по участку, где раньше был госпиталь, ну а меня зацепило разрывной пулей, которая прошла через мышцы и все остальное, а остальных сильно покрошило пулеметным и минометным огнем – там мы потеряли многих парней. Меня спустили вниз, на

перевязочный пункт, но неожиданно вокруг начали падать мины, а потом появились джерри и застрелили двоих или троих наших санитаров. Через пару дней немцы отвезли нас на аэродром Малеме, откуда переправили в Афины.

Эллан Робинсон (Allan Robinson), младший капрал, 6-я Полевая Амбулатория/6th (NZ) Field Ambulance, рассказывает о захвате немцами перевязочного пункта и о том, как они сделали из раненых и санитаров живой щит:

Исходя из интенсивности активности противника в воздухе – самолеты обстреливали нас и иногда бомбили – мы знали, что он что-то готовит для нас. Наступило 20 мая. Мы завтракали, к нам пришел местный паренек, и он сел поесть с нами. В 8 утра они появились в небе. Они обстреливали наши позиции взад-вперед на протяжении двух часов, всюду и везде. Бомбежки не было – они стреляли. Мы немедленно разбежались по нашим окопчикам. Нет ничего хуже, чем сидеть в такой щели и слышать, как сквозь ветви оливковых деревьев летят пули, слышать, как на тебя падают ошметки коры и все остальное, видеть клубы пыли вокруг твоего окопчика, когда в землю ударяются пули. Сказать, что я был испуган, - это не сказать ничего...

Робинсон (справа) и еще один новозеландец вместе с греческими детьми. Март-апрель 1941 года

Потом я услышал, как кто-то сказал: «Ups the hands,» и тут надо мной появился немецкий парашютист с пулеметом. Ну, я поднял руки. Я только-только выбрался из окопчика с руками над головой, когда я услышал трах-бах – это прогремел выстрел. Я поднял голову и увидел нашего полковника, Джона Плиммера (John Plimmer), который исполнял обязанности нашего командира... У всех офицеров были личные пистолеты, и, когда ему сказали выбираться наверх, он, должно быть, опустил руку далеко вниз, они [немцы] подумали, что он тянется за оружием, и выстрелили в него. Он просто свалился обратно в окоп, но сразу он не умер. Мы, как могли, пытались ему помочь, но нет – рана была смертельной...

Потом нам сказали: «Двигайтесь туда!» У них с собой был большой флаг Красного Креста, и они вывесили его. Все нам сказали сидеть рядом с ним с руками на голове. Мы, наверное, просидели там пару часов, или больше того, потому что уже перевалило за полдень, когда нас куда-то повели. Потом мы опять сидели, гадая, что с нами будет, и тут услышали шум. Огляделись и увидели тех, кто остался из пациентов 7-го

Госпиталя/7th General Hospital, располагавшегося за дорогой. Он был захвачен немцами, и всех парней – санитаров, раненых, ходячих раненых - согнали в одну кучу рядом с нами. За пару дней до вторжения мы видели, как над заливом Суда был сбит немецкий самолет. По-видимому, летчик сумел посадить его, при этом он ударился спиной и повредил ее, после чего был помещен в госпиталь. Когда рядом с нами появились раненые из этого госпиталя, с ними пришел, хромя, тот самый летчик, у которого в руках был автомат, - теперь он конвоировал раненых и парней, которые оказали ему помощь.

Потом пришли немцы и накормили нас. Они раздали нам наши же армейские галеты (нужен был молоток, чтобы разбить их на куски) и открыли несколько банок аргентинской говяжьей тушенки. У них было мало консервированных фруктов, так что они жрали наши фруктовые консервы, словно ели их в последний раз в жизни. Ну а нам достались галеты, немного мяса и по глотку воды...

Позднее нам приказали подняться. Не знаю, что стало с Джоном Плиммером и где он был похоронен. Может, они его похоронили... Нам сказали, что пришло время двигаться. Они собирались использовать нас в качестве щита по пути к позициям, удерживаемым новозеландцами. Думаю, нас повели в направлении Даратсоча/Daratsos (западный пригород Ханьи – ВК) на позиции Роты Таранаки/Taranaki 19-го Батальона. Итак, тут 19-й Батальон, тут мы, а за нами немцы. Мы были посередине, а они вели огонь сквозь нашу линию. Они были на немалом расстоянии от нас, но видели, где мы. Мне снова повезло, потому что у меня на пути оказались оливковые деревья, вот почему я их так люблю. Я спрятался за одним из деревьев солидного размера и так нашел укрытие.

Некоторые из немецких парашютистов, которые знали нас, использовали старые винтовки Ли-Энфилд/Lee-Enfield и стреляли из них по нашим. У 19-го Батальона были пулеметы Брен/Bren, они поставили их на очереди с фиксированной длиной и так вели огонь.

Тот мальчик-критянин, который утром был у нас в лагере, был пленен вместе с нами, и, конечно, его знали, как и остальных. Неожиданно я услышал, как он застонал. Говорю ему: «Что не так?» Задрал ему рубашку и увидел черную дыру - дыру с черным по краям: ему в живот попала пуля, и он стонал. Я меня не было с собой бинта, у меня ничего не было вообще. Этот бедный пацан умер рядом со мной... С другой стороны от меня был мой приятель из Дэнневёрка/Dannevirke (город в Новой Зеландии – ВК) – ему пуля попала в голову: она прилетела от наших – он тоже был застрелен новозеландцами. Очень плохо, но так бывает, когда сильно не везет (в тексте - так крошится печенье/the way the cookie crumbles). Бедный старина Джек, он был убит. Слава богу, у меня было оливковое дерево. Вокруг разлетались куски коры – Дантов ад был бы ничем по сравнению с этим. Было страшно. Думаю, в тот момент мы преодолели страх, просто приняли его таким, каким он был...

Стэнли Джервис

Мы снова занялись нашим рутинным патрулированием, рядом с Ираклионом/Heraklion. После полудня, в один из дней, на траверзе залива Суда, нас атаковал немецкий самолет-одиночка, он находился в хвосте строя, осуществлявшего массированный налет на залив, что они делали раз в день. Этот парень, очевидно, оторвался от других, чтобы всыпать нам, что он и сделал с высокой эффективностью. Мы попытались увернуться от него. Мой командир был на корме, я вахтенным офицером, и мы попытались предотвратить пулеметный обстрел корабля вдоль всего его корпуса, повернувшись к нему правым бортом, чтобы он побыстрее проскочил над нами, не нанеся большого ущерба. Однако ему удалось поймать меня на противоходе, и он прострочил корабль из пулеметов от кормы до носа, а до этого прошелся огнем поперек палубы. У нас в носовой части была 3-дюймовая пушка, и мы попали в него, потому что

он взорвался и рассыпался на куски прямо у нас над мостиком, при этом он сбил нашу фок-мачту.

Несчастье приключилось с моим командиром: он был тяжело ранен. Еще был убит один пулеметчик, отличный парень из Южной Африки, который стоял рядом со мной на мостике и неожиданно упал на палубу. Я подумал, что это была хорошая идея и почему бы мне не сделать то же самое, так что я тоже залег. Потом я поднялся, чтобы оказать ему помощь, и снял с него каску, - к моему ужасу вместе с ней отвалилась половина его головы. Многие из наших парней, находившиеся ближе к корме, тоже были ранены, думаю, их было девять. Гунны подстрелили еще одного хорошего малого, который вел огонь из Эрликона/Oerlikon, разрывные пули попали ему в обе ступни, в итоге, он лишился обеих... Мы дали ему рому, потом бренди или еще чего-то, пока делали ему перевязку. Я все еще хорошо помню вот что: я зажег сигарету и дал ему ее, потом придержал, пока он сделал пару затяжек, и я и в самом деле больше никогда не видел такой перемены в лице человека. На нем осталось выражение лишь умиротворения и комфорта, так что я с той поры всей душой верю в курение и дым сигарет...

Все раненых сгрузили на берег, и мы отправились в залив Суда. Всех их быстро эвакуировали морем в Александрию, потому что по ночам какие только корабли и суда не уходили с Крита и не возвращались, чтобы доставить боеприпасы, еще бог знает что и подкрепления. В заливе Суда мы попытались дозаправиться, но нам удалось добыть только часть необходимого, потому что случился еще один авианалет и нам нужно было убираться куда-нибудь. На какое-то время горючего было достаточно, и мы вышли в море. К этому времени я стал исполнять обязанности командира из-за понесенной потери: к тому времени мы уже потеряли двоих, и я был единственным, кто был под рукой. Потом мы снова занялись патрулированием, и нам пришлось доставить четыре малых десантных катера в Ираклион, потому что к этому времени армейские части оказались без лопат и кайл, боеприпасов и всего прочего (очевидно, что-то из этого находилось на борту десантных катеров – ВК). Ираклион горел, так что нам не разрешили входить в его гавань, потому что местное командование не хотело, чтобы нас потопили внутри нее и наш корабль преградил бы, таким образом, дорогу другим. Мы оставили десантные катера у входа в гавань и ушли назад, в залив Суда.

Мы пришли в залив Суда сразу после наступления темноты и направились к причалу. На берегу интенсивно перемещались туда-сюда люди, и мы не обращали на это внимания, пока из здания на его конце не появился сержант морской пехоты. Мы тем временем подавали последний конец на берег, при этом нужно было соблюдать максимум осторожности, потому что в конце причала застряла неразорвавшаяся 500-фунтовая бомба, нам туда-то и нужно было бросить трос. Сержант подошел и сказал: «Какого черта вы здесь делаете?» Мы ответили, что обычно швартуемся в этом месте, и он сказал: «Вот там-то и там-то уже немцы,» - они были недалеко от конца причала, и мы не могли поверить ему!

Мы быстро и аккуратно сняли швартовные тросы с кнехтов, и тут он говорит: «Могу я уйти вместе с вами?» Мы сказали «да» и отошли от причала – никто нас не заметил. Немцы, должно быть, подумали, что это был один из их кораблей... Мы покинули залив и подошли к клифам мыса Драпанос/Drapanos, расположенного в районе северо-восточного входа в залив Суда. Находясь в тени клифов, мы решили: единственное, что мы можем сделать, имея 70 тонн горючего, это взять курс на Александрию, но мы не могли уйти в море в светлое время суток, потому что могло показаться, что в воздухе над нами находятся вся германская авиация. Мы встали на якорь и придали кораблю максимально заброшенный вид со всеми тросами, свесившимися за борт и т.п. Мы находились недалеко от берега, большая часть команды расселась на пляже, но мы приказали всем найти себе укрытие. Каждые несколько часов главный механик и я возвращались на корабль, чтобы подбавить пару в котлах, и этого было достаточно... Мы наблюдали за самолетами, пролетавшими мимо нас на небольшой высоте, и надеялись на то, что они сочтут наш корабль брошенным командой...

Это работало вполне сносно до 7 часов вечера. Мы ждали сумерек, чтобы вернуться на борт и отправиться в путь, но немцы прислали 13 Ju-88, которые отбомбились по нам, один за другим. Мы наблюдали за этим и видели, как все они промахнулись. Потом они сделали еще один заход и снова отбомбились неточно все, кроме последнего. Одна бомба упала за кормой, другая попала прямо в корму, еще одна - в квартердек. Одна бомба, которая, насколько я помню, была не очень большой, взорвалась, и корабль сразу загорелся. Мы знали, что долго это продолжаться не может, потому что в кормовой части у нас были складированы 90 глубинных бомб. Уже не помню, сколько прошло времени, прежде чем они взорвались и корабль разлетелся на куски...

Дорога от залива вела к какой-то деревне, и мы пошли по ней. С нами был тот самый сержант морской пехоты, который раньше бывал в этой деревне. Он раньше служил на крейсере York, который был потоплен немецкой авиацией. Моряки сняли с крейсера часть своих 6-дюймовых зениток и разместили их на мысу Драпанос, так что он знал эти места и местных жителей довольно хорошо, потому что командовал этой батареей. Местные отнеслись к нам исключительно доброжелательно. Они усадили нас, принесли ведра воды, потому что в заливе у нас питьевой воды не было, сваренные крутую и выкрашенные красным яйца, что было частью их пасхальных обычаев. Так мы сидели на месте до наступления темноты, после чего грек-полицейский снял с себя форму, переоделся в гражданскую одежду и вывел нас тропами из деревни на проселочную дорогу, которая вела к Сфакии. Это была главная и единственная дорога [к южному берегу], и она была забита отступающими войсками. Полицейский, этот хороший малый, остановился, сказал, что ему пора назад и что он не хочет застрять в этом потоке, пожал всем руки и исчез в кустарнике...

У нас с собой были 19 винтовок Ли-Энфилд канадского производства, у меня был револьвер калибра .45, пара обойм к нему и 9 гранат Миллса/Mills. Тут из-за гребня гряды, протягивающейся вдоль побережья в сторону Ретимно/Rethimno, неожиданно появилась большая автомашина. У нее горели фары, и мы поэтому подумали, что это могла быть только немецкая машина. Мы находились на дороге, которая вела из деревни вдоль сложенного из камней забора, поэтому рассредоточили парней с винтовками, а я выдвинулся немного вперед. Мы хотели подпустить их поближе и посмотреть, выключат они фары или нет, - если нет, то это, вероятно, броневая автомашинка или еще что-то немецкое. Я собирался сделать три выстрела: первый в качестве сигнала остановиться, и, если они этого не сделают, выстрелить еще дважды, целясь в фары. Это означало, что пули либо разобьют их, либо попадут в мотор... После моего третьего выстрела машина не остановилась, поэтому парни с винтовками открыли огонь: ничего другого нам не оставалось. Это было самое худшее из того, что могло случиться со мной. Это была очень большая машина, в которую могло поместиться человек двадцать, и она была забита беженцами из Ретимно. Эти люди направлялись из него в сторону той самой деревни..., и мы расстреляли их, что было ужасно. Машина сначала налетела на один из домиков, затем воткнулась в каменный забор и упала на бок. Мы побежали к ней, решив, что нужно что-то сделать со всем этим, тут появился полицейский и сказал нам: «Давайте-ка убирайтесь отсюда, пока вас не нашли немцы, да и местные будут искать этих людей.» Тогда мы видели их в последний раз...

ОТСТУПЛЕНИЕ И ЭВАКУАЦИЯ

Мик Риардон (Mick Reardon) вспоминает об эпизоде, когда части немецкого 141-го Горного Полка заблокировали часть дороги между Судой и Ханьей. Утром 27 мая новозеландский батальон (Маори) вместе с австралийскими батальонами 2/7 и 2/8 сбили немцев с дороги штыковой атакой:

Мы разулись на какое-то время, когда появились немцы и закололи штыками нескольких из маори, разлегшихся на земле. Остальные рассвирепели и впали в бешенство: никто

не имеет права убивать маори, когда тот просто лежит, и выйти сухим из воды. Воздух наполнили крики хаки и вопли немцев. К тому моменту, когда мы снова одели башмаки, солдаты-маори отогнали немцев, по меньшей мере, на сотню ярдов. Некоторые, те, кто был подальше, постреляли по нам, но потом бежали в панике. Думаю, это заставило немцев сбавить активность, что позволило нам отступить. Я всегда говорил потом, что попал бы в плен, если бы они [маори] не сделали этого. Не думаю, что они успели обуться перед этим...

Немцы закрепились в районе аэродрома Малеме и быстро наращивали численность своих сил на Крите. Союзники отступали на юг, через горы, в сторону Сфакии, для дальнейшей эвакуации. Вспоминает **Ричард Кин**:

Поступил приказ о том, что каждый, кто в состоянии пройти 16 миль, должен будет присоединиться к отступающим колоннам. Я отошел на обочину, и врач-австралиец сказал мне: «Ты не сможешь пройти так много, киви (самоназвание и обычная кличка новозеландцев – ВК), так что лучше оставайся здесь: ты всего лишь попадешь в плен. Я остаюсь, многие ребята остаются, я буду присматривать за вами.» Я ответил: «Нет, я выберусь отсюда, даже если мне придется ползти» и тронулся в путь. Я брел вместе с Медоу (Meadow) и еще одним приятелем, и, слава богу, у нас с собой была пачка галет и банка тушенки. Мы шли всю ночь, днем решили спрятаться. Остановились в каменном домике – это была пастушья хата, и там улеглись спать. Двое парней из Валлийского Полка присоединились к нам, и мне они определенно не понравились. Мы поделились с ними нашим провиантом, а когда мы проснулись, то увидели, что они доели остатки нашей провизии и теперь разбирают свои винтовки на части и разбрасывают их во все стороны, чтобы мы не смогли ими воспользоваться...

Мы продолжили свой путь и, в итоге, добрались до Сфакии. Погрузились на баржи, гребные шлюпки, китобойные суда, потом перебрались на транспорт Glengyle. Там, на борту, я выпил галлон горячего какао, которое давали военным морякам. Другое судно, такое же как наше, которое было с нами в конвое, атаковали самолеты. Бомба попала ему в трубу и потом взорвалась, превратив его в кучу железа. Но мы добрались до Алекса (так союзники называли Александрию – ВК.)

Кит Ньют

Потом нас построили, и мы начали свой марш через Крит, должно быть, мы провели в пути около трех дней. Мы спустились к заливу Сфакия и расположились на дне оврага, чтобы укрыться от Штук и вообще от самолетов, пытающихся обнаружить нас.

Оттуда мы добрались на весельных шлюпках до эсминца Napier, который должен был доставить нас в Египет. В первый же день джерри догнал нас – это были [бомбардировщики] Дорнье/Dornier – в этот момент мы перегружали 4.5-дюймовые снаряды. Их поднимали на элеваторах из недр корабля, а мы толкали их к орудиям. Командир корабля лежал на спине, следя за падающими бомбами и отдавал команды, говоря, как от них уклониться. Одна из них упала между палубой и привальным брусом и взрывом снесла правый винт.

Грохот и удар были страшными. Я помню, как один парень сказал: «Все в порядке, ребята, мы все еще на ходу,» и еще довольно долгое время не теряли ход. Затем, совершенно неожиданно, трубы машинного отделения лопнули, кочегаров выгнал оттуда поток пара, и мы остановились. Где-то часа через полтора машинное отделение остыло в достаточной степени для того, чтобы они могли туда вернуться и снова запустить двигатель. Слава богу, Дорнье больше не возвращались... Так мы доковыляли до Александрии. На корабле вывесили сигнальный флаг, показывающий, что корабль неуправляем, и нам прислали буксир, который завел нас в гавань. Никогда не забуду, как мы проходили мимо авианосца Illustrious, у которого была чуть ли полностью оторвана носовая часть – все моряки, бывшие там, ушли на дно вместе с ней... Там было довольно много кораблей, и все они без исключения были повреждены. Помню

[крейсер] Orion и, прямо напротив нас, его 6-дюймовые орудия - они были загнуты вверх, словно их смяло взрывом упавших рядом бомб.

Солдаты на палубе эсминца Napier на пути в Египет...

Это был захватывающий опыт во многих отношениях, но вряд ли вы бы пожелали пройти через это еще раз, хотя я бы не хотел, чтобы этого в моей жизни не было вообще. Это был превосходный опыт в том смысле, что я понял, какой кошмар представляет из себя война и как она доводит людей до того, что одни ведут себя как герои, а другие – как животные.

Стэнли Джервис

Мы присоединились к армейским частям, шагающим по щебнистой дороге. Раньше это был проселок, потом наши военные немного выпрямили его и отсыпали щебень. В поле зрения не было ничего, кроме огромных глыб, так что нам пришлось идти по обочинам, потому что немецкие самолеты обстреливали ее, и лучше было держаться подальше от середины и вообще от дороги, чтобы успеть укрыться под этими глыбами. Надо сказать, часто нам это делать не приходилось, поскольку в светлое время мы оставались на месте, а шли только ночью. Днем мы прятались за камнями. Воды и еды у нас не было.

Потом мы вышли на открытую местность, туда, где в стороне от берега моря стояла небольшая деревня. Думаю, где-то милях в семи. Там собирались и окапывались армейские части. Нам также объявили, что в этих местах высаживаются немецкие парашютисты, и их снайперы одеты в британскую униформу. Никто не двигался с места до наступления темноты, тогда в путь разрешали трогаться определенному количеству людей, которых должны были эвакуировать морем. В том месте собралась вся наша команда и очень много гражданских моряков. Среди них были азиаты и китайцы, всякого рода люди. Мы собрали всех в одной из огромных пещер, которые можно найти по всему Криту. Вода в ней был в изобилии, что было замечательно...

Армейские командиры ничего о нас не знали кроме того, что наш корабль был потоплен и мы сами перешли через Крит. Они не знали, что делать с нами. Приказов нам никто не отдавал, так что я нашел старшего офицера, полковника, который оказался отличным малым, которому я через какое-то время надоел, потому что он не знал, что делать с нами. Флотское командование не знало, что наш корабль потоплен, оно не знало, где мы, и я сказал: «Почему бы вам не найти кого-нибудь, кто мог бы сообщить флотским, где мы?» и он сказал: «Не могу, потому что связи между нами и Сфакией нет.»

Я нашел какого-то подофицера, просто отличного парня, и мы с ним осмотрели огромное количество брошенных машин, грузовиков и мотоциклов: этот малый был [заядлым] мотоциклистом. Он нашел исправный мотоцикл, но бензина у нас не было. Мы слили его с какого-то грузовика, завели его, я отправился к старшему офицеру и сказал

ему, что и как и что нужно вступить в контакт с моряками. Он говорит: «Вы не можете этого сделать, это ничейная земля, никто не может передвигаться по ней в дневное время, вам придется дожидаться темноты.» Через какое-то время он сказал: «Хорошо, вы напишете мне расписку в том, что я не несу ответственности в случае, если вас убьют,» и мы отправились в путь на этом мотоцикле.

Мы потратили на дорогу 4 часа, потом начали спускаться под гору, а там, немного в стороне от дороги, оказались армейские ребята, которые выстрелили в воздух. Мы слезли с мотоцикла, и один из них сказал: «Поднять руки вверх и стоять тихо – и, черт возьми, не двигаться с места.» Мы так и сделали. Один из парней подошел ко мне и сказал: «Джервис, мерзавец, что ты здесь делаешь? Если бы я не узнал тебя, я бы тебя пристрелил, как какого-нибудь немца!» Так мы сумели проехать дальше. Они показали нам дорогу вниз, туда, где дорога оканчивалась и где было полно машин, автобусов и еще бог знает чего. Дальше вниз по клифу к его подножию, где собирались люди, вела только крутая тропа. Флотский и армейский народ, люди, занимавшиеся эвакуацией, собрались там. Дальше был пляж, спасительный пляж. Я нашел флотского капитана и рассказал ему о случившемся со мной и кораблем. Он сказал мне, что телефонная связь была восстановлена: «Оставайтесь здесь, и мы что-нибудь придумаем для вас и ваших людей, мы их оттуда вызволим.»

Немного позднее появился человек в звании командера и сказал, что он - старший по участку. Он сказал: «Здесь полно моряков всех видов, и мы собрали их вместе. Я собираюсь перебросить вас на пляж, мы будем собирать всех их там, вы должны следить за ними и удостовериться в том, что все они взошли на борт.» По дороге к пляжу была маленькая деревня всего в несколько рыбацких домиков, а рядом с ней был огромный валун почти шарообразной формы, расколотый пополам. Он лежал прямо на тропе, ведущей к ней, и пройти там мог только один человек.

По пути мы нашли новозеландского солдата, лежавшего в кустах – у него был сломана нога. Прошлой ночью он упал, сломал ногу, и никто не знал о том, что он находится здесь. Он крикнул нам, мы подхватили его, он положил руки нам на плечи, и мы потащили его в сторону деревни. Именно в это время противник опять начал долбить по нам, и я уже не помню, сколько в воздухе было самолетов, но они бросали бомбы снова и снова, везде и всюду. Думаю, они стремились к тому, чтобы вселить ужас в каждого, кто собирается спускаться к морю. Похоже, им это удалось, потому что в поле зрения никого уже не было. Мы - я, солдат и старший офицер участка - укрылись в расселине в том самом огромном валуне. Даже присесть там было невозможно: мы могли только опереться спиной о скалу. Мы удерживали парня, к этому времени он уже был без сознания. Не думаю, что в жизни мне пришлось держать что-то более тяжелое, чем этот парень. Мы сумели выбраться из расселины и дотащить его до пляжа, где находилась группа австралийцев. Дальше им занимались они...

Ближе к сумеркам мне выделили кусок пляжа: «Здесь будут твои люди, и ни один из них не должен двигаться с места: если кто-то ушел, значит, он потерялся.» Потом старший по участку спросил меня: «Вы что-нибудь ели?» Я ответил: «Нет, уже три дня,» и он сказал: «Дайте мне двоих-троих человек, и я попробую что-нибудь сделать для вас.» Он отвел людей на какой-то склад, и они вернулись с тремя ящиками, набитыми консервными банками с бобами, мясом и овощами. Еще в одном ящике оставалась всего одна банка без этикетки, я открыл ее, и это была фунтовая банка со сливовым вареньем. Я сел и съел больше половины, не думаю, что мне с тех пор доставалось что-то более вкусное...

Потом, после полуночи, мне сказали спускать людей на пляж и сажать на десантный катер. Тот доставил нас на крейсер Perth, на котором мы отправились в Александрию. Этот корабль шел в самом хвосте большого конвоя, состоявшего из крейсеров, эсминцев и транспортов, огромного конвоя, должно быть, в нем было около 40 кораблей и судов. В машинное отделение нашего крейсера попала 500-фунтовая бомба. Она убила около 40 человек, пробив палубу прямо перед командирским мостиком... Мы похоронили их после полудня, и, по счастью, Perth все еще был в состоянии идти со скоростью 16

узлов. Его поставили в середину конвоя, и общую скорость уменьшили до 16 узлов, пока мы не вышли из района действия вражеских самолетов...

Питер Уайлди (Peter Wildey), 2-й лейтенант, 7-я Полевая Рота (Инженеров) рассказывает об одном из эпизодов, случившемся в последние дни пребывания новозеландцев на Крите:

Когда мы спускались к морю, с высоты глядя на Сфакию, началась грандиозная неразбериха. На обочине дороги было много людей, значительная часть из них – австралийцы, они обсуждали вопрос о том, что кто-то двигается вниз по глубокому оврагу, прямо вниз. У меня с собой все еще был мой полевой бинокль, я посмотрел в него – это были немцы. Дело было нешуточным, раз они были там. Мы открыли по ним огонь из Томпсона. Они были немного дальше расстояния точной стрельбы, но вести огонь по ним было вполне возможно.

Я знал, что штаб находится немного ближе к побережью, так что я спустился вниз и нашел их пещеру. Зашел в нее, бригадир Харгест был там, он выглядел абсолютно измотанным и опустошенным... Я рассказал ему о сложившемся положении, и он сказал: «Возвращайтесь назад и удостоверьтесь в том, что они прижаты к земле. Остальное оставьте на меня. Я что-нибудь сделаю в связи с этим.» Он и правда сделал: позднее я увидел, как взвод солдат перешел на другую сторону оврага, и немцы были окружены. Потом я узнал, что ими командовал Чарли Апэм, кавалер Креста Виктории. Они спустились вниз, было им там непросто: у них были Брены, и им пришлось держать одного парня за лодыжки, чтобы он не свалился с бровки и мог вести огонь... Потом там насчитали 39 немецких трупов, но, я думаю, мы в начале тоже кого-то из них подстрелили, потому что они были как на ладони. Опасная была ситуация: если бы они проскользнули вниз по оврагу, они могли бы нарушить весь ход эвакуации.

Пленные британцы на одной из горных дорог после капитуляции

Рекс Томпсон

Мы начали отступление и шли в темное время суток по горной дороге в Сфакию. Мы добрались до нее на вторую ночь. Дорога заканчивалась в средней части горного склона – дальше был почти вертикальный обрыв, за которым был пляж. На этой стадии мы могли только идти пешком: грузовики были только для раненых и обессиленных. Потом

нам пришлось карабкаться вниз по обрыву. Те из нас, кто держался вместе, укрылись в пещере рядом со Сфакией, но флот уже ушел. Он потерял, должно быть, шесть кораблей за последние дни отступления, так что мы остались на месте. Потом пришли сведения, думаю, 1 июня, о том, что остров капитулировал и теперь, по сути дела, являемся военнопленными...

Потом немцы спустились по склону и прокричали по-своему, чтобы мы вылезали. Нам их слова ничего не говорили, но мы поняли: они хотят, чтобы мы вышли из пещеры. Ну, мы выбрались из нее, и они отвели нас пешим ходом обратно в Ханью – заняло это два дня. В пещере мы три дня ничего не ели, нас там было шестеро, и на всех была одна пачка какао-порошка, который мы добавляли в воду. Немцы, по сути, нас ничем не кормили по дороге назад...

Питер Косгрэйв (Peter Cosgrave), дивизионный связист

Мы добрались до каких-то пещер в Сфакии и спрятались в них. Потом один из офицеров сказал нам свалить в кучу наше оружие и дожидаться прихода немцев – мы были ошарашены и проклинали при этом всех и вся. Потом появились немцы и погнали нас обратно через горы. Еды и воды нам не давали, при этом они отобрали у нас часы и кольца...

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Ф. W. О., лейтенант-инженер, о кампании в целом и о командирах:

Уже в первый момент, когда я встретил бригадира [Харгеста], который командовал нашими силами на этом участке [Малеме], он, честно говоря, больше думал об отступлении, чем об атаках. Было очевидно, что вся наша тактика и стратегия сосредоточились к востоку от аэродрома. Это свело к нулю все наши шансы. Нет сомнений в том, что мы могли удержать Крит, но было уделено чрезмерное внимание ожиданию атаки с моря.

Келли Форест-Браун (Kelly Forest-Brown), лейтенант, получил назначение в 8-й Греческий Полк, попал в плен на несколько часов, но бежал:

О Фрейберге: «Его общий план обороны острова был первоклассным, кроме одного момента: он не разместил людей на западной окраине аэродрома.»

О Харгесте: «Он был слишком стар. Он находился в пяти милях от передовой со своим штабом.»

О подполковнике Дагласе Лекки (Douglas Leckie, 1987 г.р.), командире 23-го Батальона: «Он действовал просто ужасно. Просто сидел на дне окопа, не давал приказов, не контратаковал, вообще ни черта не сделал.»

Большая часть старших офицеров служила в годы ПМВ, и им было уже под 50. Они не реагировали на происходящее достаточно быстро. У них у всех были фобии эпохи ПМВ – окапывайся и держи оборону, в то время как боевые действия против парашютистов требовали перехода в атаку тогда, когда они спускались на землю, и, начиная с этой минуты, нужно было не давать им спуску и продолжать контратаковать, пока они не будут полностью уничтожены.

Ховард Киппенбергер о Харгесте и 5-й Бригаде:

Его личные качества не дотягивали до уровня других бригадиров... Он никогда не держал свою бригаду под контролем... В других двух бригадах были невысокого мнения о дисциплине и боеспособности 5-й...

Рядовой **Леонард Даймонд (Leonard Diamond)**, 1911 - 04.09.1942, умер от ран, полученных под Эль-Аламейном), 23-й Батальон, вскоре после окончания боев:

Я мечтаю о таком дне, когда мы сравняемся с немцами по силам в небе – «самолет на самолет.» Когда придет этот день, Германия будет побита. Мы знаем по опыту, что можем одолеть его наземные силы в любое время.

Источники

Richard Campbell, Peter Liddle. For Five Shillings a Day. Personal Histories of World War II. 2000

Tim Saunders. Crete: The Airborne Invasion 1941. 2008

<https://www.nzgeo.com/stories/crete/>

<https://nzhistory.govt.nz/war/the-battle-for-crete>

<https://nzhistory.govt.nz/media/sound/donald-haddon-interview>

<https://nzhistory.govt.nz/media/sound/bert-dyson-interview>

<https://nzhistory.govt.nz/media/sound/allan-robinson-interview>

<https://nzhistory.govt.nz/media/sound/peter-wilkey-interview-3>

<https://core.ac.uk/download/pdf/148643764.pdf>

Перевод и компиляция – Владимир Крупник

Возврат к главной странице www.warsstory.org